

Мои воспоминания*

Н. А. Лейкин

Я сидел с приказчиком отца, по фамилии Поляковым. Делать было решительно нечего, и мы читали книги. Похождение мое в кладовых отца в течение около года прирастило меня к чтению. Книги доставлял мне Поляков. Это был средних лет человек, не получивший никакого образования, едва научившийся читать и писать, но замечательный любитель чтения, собиравший за бесценок книги по букинистам и успевший собрать себе изрядную библиотеку беллетристических произведений. Он покупал за бесценок старые толстые журналы, вырезал из них романы и переплетал вместе. Читал много, без разбора, и обладал замечательной памятью, цитировал Шекспира, Пушкина, Державина, Кольцова, Грибоедова, пел песни Цыганова, подыгрывая себе на гитаре, и был самым усердным посетителем галереи Александринского театра. Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Поль-де-Кока, Евгения Сю, Лажечникова, Рафаила Зотова, Мерлинского он прочитал от доски до доски, и давая мне их в чтение, часто вперед рассказывал содержание романов. Очень он увлекался бароном Брамбеусом (Сенковским) и тоже подчас цитировал его «Большой выход у Сатаны».

До знакомства с Поляковым, в дни посещения училища, мне приходилось читать очень мало – книг не было. Помню, что первый роман, который попался мне в руки от одного из моих двоюродных братьев, был «Таинственный монах» Зотова, а затем роман Поль-де-Кока «Монфермельская молочница», считавшийся почему-то очень скабрёзным, книга «Письмовник» Курганова. Книги эти принадлежали дяде моему Василию. Он их тщательно прятал от всех, но я их похитил и прочитал. Прочитал я тогда и скучный роман Калашникова «Дочь Купца Жолобова», не помню, откуда мне доставшийся, –

Невский проспект.
Ж. Жакотте. Регаме по оригиналу И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

вот и все. Но Поляков посадил меня на романы Дюма-отца и Евгения Сю. Помню, что «Вечный жид» произвел на меня громадное впечатление. Читал я его днем, вечером и по ночам. Герои его снились мне во сне, и я даже бредил ими, вскакивая с постели. Не меньшее впечатление произвел на меня и роман «Монте Кристо», который я проглотил, также почти не отрываясь от него. Читая его, я задавал себе вопросы, отчего же это у нас в Петербурге нет таких людей, какие описаны в романе. Роман этот я тогда не считал вымыслом. Поляков мне отвечал, что были и у нас подобные люди в царствование Павла и Александра Павловича, но

их тот час же казаками выслали за границу, и при этом рассказал о каком-то магнате итальянце, которому государь Павел приказал в 24 часа выехать из Петербурга, и тот будто бы выехал в одно и то же время, в один и тот же час, через три заставы, везде расписавшись в заставных книгах. «Парижские тайны» приблизили меня уже к действительности. Я стал находить подобные типы и в нашем петербургском быту.

Страсть к чтению поглотила меня. Пополам с Поляковым мы записались в единственную библиотеку Крашенинникова и стали брать для чтения помимо книг и толстые журналы; ходили по буки-

* Продолжение. Начало в № 1 (11) – 5 (15) за 2003 г.

Пажеский его императорского величества корпус. М. Иванов. 1846 г.

нистам и у них покупали книги. Поляков познакомил меня с букинистом, стариком Терским, имевшим лавку с старыми книгами в Чернышовом переулке, в доме Пажеского корпуса. Терский был больной, разбитый параличом и в лавке работал редко. Лавкой заведовал, покупая и продавая старые книги, приказчик его, В. И. Рыкушин. Это был ходячий каталог книг. Чего-чего он не знал, чего не понимал по части отечественной литературы! Тощий, высокий, скуластый, с бритым подбородком, с прихрамывающими, простуженными в холодной лавке ногами, он сидел на табуретке у входа в лавку и встречал покупателей. Как сейчас помню этого добродушного, сведущего по книжной части человека. Про него говорили, что все, даже неизданные отдельно сочинения он помнил и мог указать, в каком журнале и в каком году они были помещены. У него было множество знакомых студентов, которые ходили к нему покупать и менять учебники, по часам засиживались у него в лавке, рассматривая книги. Костомаров в те времена гремел среди учащейся молодежи.

Ходили к Рыкушину в лавку и молодые начинавшие писатели. Бывали у него даже драматург Иван Егорович Чернышев, автор комедий: «Отец семейства», «Испорченная жизнь», «Жених из долгового отделения», и поэт-юморист Гавриил Николаевич Жулев, писавший в «Искре» В. С. Курочкина под псевдонимами Скорб-

изведениям и по сцене. Они были актеры на вторые роли. Помню, что Жулев превосходно играл прогорелого купеческого сына Перетычкина в комедии Красовского «Жених из Назовой линии». Он подавал надежды по сцене, но его затер режиссер Е. И. Воронов, долго властвовавший в Александринском театре. Как драматург Чернышев уже входил тогда в славу. Была только что поставлена его пьеса «Отец семейства», где Мартынов, впервые выступив в драматической роли, потрясал Александринский театр художественностью и правдивостью своей игры, доказывая, что в сильно драматических местах можно потрясать зрителей и без обычных в то время у трагиков завываний, которых все-таки

Гостиный двор на вербной неделе. Неизвестный художник. 1880-е гг.

ный, поэт и дебютант, – оба молодые актеры Александринского театра, они тогда жили вместе, в одной квартире в Троицком переулке, были большими приятелями и ходили неразлучно, Рыкушин познакомил меня с ними, отрекомендовав меня сыном купца-гостинодвора. Смотрели они на меня свысока, как на мальчика, да и я казался тогда мальчиком, хотя мне было уже 19 лет: маленького роста, тщедушный. Жулев – стройный, рыжеватый, румяный, в усах, с веснушками, смотрел франтом, был в красном галстуке. Чернышев поражал своей болезненностью и сильно кашлял. Впоследствии он умер от чахотки. Я уже знал их по их про-

придерживался и такой крупный актер, как Каратыгин 1-й. В «Отце семейства» Мартынов делал переворот в русской драматической сцене.

– Ну, что же, помогаете папеньке надуть покупателей? – шутливо спросил меня Жулев.

Я сконфузился и стал доказывать, что у отца торговля оптовая, что покупателями являются купцы-торговцы, лавочники, что их если бы кто и хотел надуть товаром, то этого сделать невозможно.

– Так вы оптовик? Прекрасно... – прибавил Жулев, обращаясь к Чернышеву. – Стало быть, теперь у нас есть трое знакомых купцов-гостинодворов: парфюмер Михаил

Иванович Пыляев, суконщик Алексей Федорович Иванов и оптик Лейкин, помимо книжника Рыкушина.

– Пыляев мой товарищ по Реформатскому училищу, – отвечал я.

– Ах, вы тоже, стало быть, немец? Ну, а мы у Пыляева покупаем духи, помаду и фиксатуар, а у Иванова трико и брюки. Суконщик и поэт. Стихи пишет. Познакомьтесь.

Познакомил меня Рыкушин и с Алексеем Федоровичем Ивановым (впоследствии поэт, писавший под псевдонимом «А. Ивановский» и «Классик»), торговавшим сукнами в том же Чернышевом переулке, как раз против книжной лавки Терского, в лицевой линии Щукина двора, а ныне Мариинского рынка. Тогда у Иванова только что умер отец, и он, приняв дело, торговал уже самолично. Это был добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человек, только что вырвавшийся из суровой торговой школы отца, серого, темного кушца, не давшего ему никакого образования, кроме начальной грамотности. Но А. Ф. Иванов жаждал света и приобрел его самообразованием, тайком от отца, путем чтения, иногда по ночам, к которому его пристрастил тот же приказчик-букинист, давая ему для чтения книги из лавки. Судьба так устроила, что отец Иванова не только что торговал против книжной лавки Терского, но даже и жил в доме Терского в Ямской. Книгами было пользоваться удобно. Иванов был старше меня года на два, близорукий, небольшого роста, ходил в то время в купеческой фуражке и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавал главным образом портным, которых у него всегда в лавке было много. Это был замечательно симпатичный человек. Когда он говорил, восторгаясь, а он очень часто восторгался, то закатывал глаза, и Жуков прозвал его за это «Авророй». Название «Аврора» осталось за ним до гробовой доски.

В лавке Иванова всегда была толпа. Кроме портных было всегда много студентов и мелких актеров. Побывав в книжной лавке Терского, они переходили к нему. Приходили они не покупать что-либо, а просто посидеть, поболтать. Одни приводили других. Все это пило

чай, водку и закусывало рыночными пирогами и продуктами от саечника, предлагаемыми радушным хозяином. А Иванов был потрясюще радушен. Счета от саечника подавались ему каждый день почтенные. Нигде нельзя было перехватить два-три рубля, как у Иванова. Отец оставил ему приличное состояние и стены лавки, помимо товара в ней, но впоследствии громадный пожар, истребивший в 1862 г. весь Апраксин и Щукин дворы, разорил и его. Да и добродушие Иванова много способствовало разорению. Сгорела в этот ужасный пожар и лавка Терского со всеми книжными и антикварными редкостями. Спасено было из книг очень немного.

В лавке Иванова на меня веяло чем-то новым, светлым. Я подружился с ним и стал заходить к нему очень часто, после того, как мы запирали кладовую отца, и я возвращался по Чернышову переулку домой. Иванов в то время пописывал стихи только для себя, подражая в них Кольцову и Никитину, но иногда, вдаваясь и в юмористику, «передергивал» в эпиграммах лиц из кружка посещавших его в лавке, и читал нам свои стихи во время чаепития. В лавке Иванова я впервые встретился и познакомился с Василием Ивановичем Немировичем-Данченко. Он тогда был студентом. Захаживал к Иванову выпить водки и Николай Иванович Кроль, поэт, переводчик стихов Анакреона, ко-

того, кажется, познакомил с ним Жулев. Кроль был тщедушный, маленький человек с редкой бородкой клинышком, сторбившийся, красноносый, неряшливо одетый, в фетровой шляпе с широкими полями, какие тогда носило только духовенство. Кроль всегда был полупьян и по временам сильно кашлял долгим раскатистым кашлем, причем на глазах у него выступали слезы. Говорил он хриплым голосом и пучил глаза.

Вся молодежь, посещавшая лавку Иванова, много читала, увлекалась литературой, следила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовым и Чернышевским. Ходил по рукам секретно и запретный тогда «Колокол» Герцена. В лавке Иванова только и говорили, что о литературе, так что присутствовавшие в этом портные-покупатели и те просвещались.

Знакомство мое с Ивановым подвинуло меня на писательство. Много читая, я и сам пробовал писать. Как и большинство начинающих писать в те времена, я начал со стихов, хотя помню, что не особенно и любил стихи. Стихи выходили плохи. Я подражал поэтам, проводившим в стихах гражданскую скорбь, потому что было такое веяние. Никому не рассказывая об этом, стихи я посылал в мелкие еженедельные журналы, которые тогда нарождались как грибы, но стихов не печатали. О своем писании я хранил тайну даже перед Поляковым и Ивановым и продолжал посылать стихи по редакциям. И вдруг в 1860 г., в апреле месяце, я узрел напечатанным в еженедельном журнале «Русский мир», издаваемом братьями Лермонтовыми, мое стихотворение «Кольцо». Торжество было велие. Я словно окрылился, бегал по знакомым и показывал номер журнала со своими стихами, не спал даже ночь от охватившего меня волнения. Я был счастлив, безмерно счастлив, но на моих домашних – отца, мать, дядей, помню, факт появления моего стихотворения в печати с полной подписью моей фамилии никакого впечатления не произвел. Они оказали полное равнодушие к этому, тогда как я вместе с Поляковым зашел даже в два-три ры-

Уличные продавцы снеди

Галерея магазина «Пассаж» на Невском проспекте. П. Семечкин. 1849 г.

ночных трактира и приглядывался, не читают ли «Русский мир», не будут ли читающие что-нибудь говорить о моем стихотворении, но журнал этот был так мало распространен, что его и в трактирах не было. Не помню, получил ли я гонорар за мое стихотворение «Кольцо». Кажется, нет. Но в конторе журнала при книжном магазине Лермонтовых, в Караванной улице, мне выдали несколько оттисков моего стихотворения и даже в красной обложке. Один из этих оттисков хранится у меня теперь. Под стихами стоит: «13 апреля 1860 г.», почему этот день я считаю началом своей литературной деятельности. Прибавлю, что стихотворение «Кольцо» преплохое. Рифмы в нем чередуются через строку, никаких ярких выражений в стихах нет.

Когда я показал Иванову свои напечатанные стихи, он весь вспыхнул и сказал:

– Тогда я pošлю несколько своих стихов в журнал.

Послал он свои произведения в несколько журналов разом, и помню, что через две-три недели показал мне свое напечатанное стихотворение за подписью А. Ивановский, кажется в «Иллюстрированной газете» В. Р. Зотова. Затем стали появляться его стихи и в других изданиях.

Послал и я стихи для напечатания, посылал их в журналы, какие только знал, но кроме «Кольца» ничего напечатано не было. Я приуныл, оставил писать стихи, стыдился заходить к Иванову вследствие моего неуспеха и принялся за писание прозы. В то время я был под впечатлением прочи-

танных рассказов Гребенки. Рассказы его мне нравились. Я стал подражать Гребенке. Писал довольно много, но ничего не кончал, охладевал на половине и бросал. Причиной, может быть, были невзгоды, которые разразились над моим отцом, а вместе с этим и над всем нашим семейством.

Открыв свою торговлю, отец расширился в жите-бытге, а тут пришлось во всем сжаться, во всем необходимом до последнего. Он условился уплатить своим кредиторам по 40 копеек за рубль и переписал векселя, скинув с них 60%, но когда стали наступать сроки платежа, он мог уплатить едва половину своих обязательств. Ни денег, ни товару в кладовой не оказалось, и пришлось снова прекратить платежи. На этот раз кредиторы его уже не помиловали, подали на него в коммерческий суд, и кладовая была опечатана.

Помню, что в кладовую пришли власти, выпроводили меня и приказчика Полякова из кладовой и наложили на дверь казенные печати. Отец не присутствовал при этом, он боялся ареста. Да ему и грозило долговое отделение для неисправных должников. Такие же печати были наложены и на мебель и на все имущество нашей квартиры. С Поляковым мне пришлось расстаться. Грозила сильная бедность, достатков у отца не было ниоткуда, но дядя Василий пришел на помощь, и мы стали жить на его счет. Но многого он давать не мог, а семейство было огромное. Помню горе матери и ее слезы. Пришлось убавить у расширенной квартиры три-четыре комнаты, и пришлось сжаться во всем. Мать моя взяла даже трех жильцов к нам в квартиру, которые сделались также нашими нахлебниками. Это были два мелких чиновника – один малоросс Ш., другой уроженец Оленецкой губернии К. При малороссе был еще брат студент-медик. Платили они очень мало, люди они были нетребовательные, занимали все трое две комнаты, а один из них – К. согласился даже, чтобы я спал вместе с ним в небольшой комнате, едва достаточной и для одного. У нас был даже один письменный стол, а чиновнику К. приходилось по вечерам заниматься перепиской бумаг. У меня не было

даже кровати, и я спал на клеенчатом диване. Брат мой Василий, который был моложе меня пятью годами, учился в Реформатском училище и был в кварте. Платить за него в училище было трудно. Его тотчас же взяли из училища и отдали мальчиком в лавку, в голландский магазин, сбыв с содержания, так как он должен был жить уже у хозяев голландцев на всем готовом, и те обещали одевать и обувать его.

Должен был и я искать себе служебного места. Имея училищный аттестат об окончании курса с правом на первый классный чин при поступлении на государственную службу, я мог бы искать себе места в какой-либо канцелярии, но домашние мои непременно хотели, чтобы я был в какой-нибудь конторе при торговом доме, а пока такого места не представлялось, то дядя мой Василий, до приискания места, дабы я не болтался без дела, и определил меня в кладовую Франца Боненблюста, где сам служил, и я поступил на службу без каких-либо условий.

— Чего стоить будет... Там увидим... А пока должен учиться делу... сказал моему дяде и мне хозяин Ф. Б. Боненблюст, обрусевший немецкий швейцарец, худой и длинный, с маленькими полуседыми бачками на скулах, всегда солидно одетый в длинный сюртук и высокий цилиндр.

И вот я опять в кладовой на верхней галерее Гостиного двора. Торговля в кладовой происходила, как и раньше в кладовой моего отца, только от 10 часов утра до 5 часов вечера, а зимой кончалась и в 4 часа, с огнем не сидели, но я для чего-то должен был приходить вместе с дядей к 9 часам утра в контору кладовой, при которой был хозяин, на Невском проспекте, за Полицейским мостом, сидеть с полчаса в артельщицкой комнате и уже оттуда отправляться в Гостиный двор в кладовую вместе с двумя артельщиками и двумя младшими приказчиками и ждать около запертых дверей кладовой, пока явится дядя с ключами, полученными им от Боненблюста, осмотрит, целы ли восковые печати на дверях, и прикажет артельщикам отворить кладовую. Таков был немецко-швейцарский порядок. Боненблюст был великий педант, да

и дядя мой Василий, воспитанный в его школе, рабски придерживался хозяйского педантизма, за что хозяин его любил и ценил. Рыночники-торговцы, покупавшие в кладовой товар, называли Боненблюста немцем старого леса, и очень уважали его.

Боненблюст торговал оптом, выписывал из-за границы и продавал торговцам швейцарские товары — шелковые ленты, блонды, кружева, тюль, вышивки, соломенные шляпы и соломку в кусках для сшивания их, а также имел на комиссии для продажи ситцы Царевской мануфактуры, которые получались из Москвы. Приказчиков, кроме меня, было трое — дядя Василий, Романов, пожилой человек, уроженец Риги, отлично говоривший по-немецки, и мой двоюродный брат, старше меня двумя годами, Д. Анопов. Кроме того, были два артельщика Ярославской артели, которые, рассказывая мне о своем артельном строе и быте, и послужили материалом для написания рассказа «Биржевые артельщики», который в 1864 году был напечатан в «Современнике» Некрасова.

В кладовой у Боненблюста служили приказчиками только русские, но в конторе царил немецкий элемент, и конторщиками были почти только племянники Бонен-

блюста. Первое время, служа у Боненблюста, я не мог определить, что я именно такое — приказчик или мальчик, то есть торговый ученик. Жалованья мне не было положено, хотя я уже имел некоторую торговую наметку, пробыв месяцев восемь в кладовой отца, и был окончивший курс в Реформатском училище двадцатилетний уже молодой человек с аттестатом в кармане. Впрочем, месяца через два после поступления в кладовую, при раздаче первого числа жалованья приказчикам и артельщикам, Боненблюст сунул мне в руку пачку рублевых бумажек и сказал:

— Это ваше жалованье. Будете получать каждое первое число. А там видно будет...

Я поблагодарил и потом считал пачку. Было пятнадцать рублей. Кажется, и дядя мой не ожидал такой скудости назначенного мне содержания и стал утешать меня, говоря:

— Ну, впоследствии он тебе прибавит. Вот новый год наступит. Наверное даст награду.

А мне нужно было обуваться и одеваться на эти деньги, платить в библиотеку за чтение книг и журналов, без которых я жить не мог. Дома я прежде получал помещение и кушанье, но предполагалось, что и я в доме должен был что-нибудь платить за мое содержание.

Гостиный двор. Ж. Жакотте по оригиналу И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

Дела в кладовой было не особенно много. Занятия наши заключались в приеме и разборке пришедшего из-за границы товара, продаже его приказчикам-рыночникам, записи в книгу, уборке товара после покупателей и вообще в содержании его в порядке. Также должны были мы следить, какой товар и подобрался, дабы доложить хозяину, что надо пополнить выбор. Купленный товар разносили по лавкам артельщики, но нам приходилось бегать в рынках по лавкам с образцами каких-либо новых товаров, которые получались, и предлагать их. Ни ведения каких-либо торговых книг, ни писания торговых писем или счетов для меня не полагалось, и я часто задавал себе вопросы: для чего я в приме учился бухгалтерии, для чего преподаватель знакомил меня с образцами торговых писем, счетов, повествовал о биржевых курсах и заставлял переводить франки и талеры в рубли и обратно? Боненблюст, как именитый прихожанин-реформат, состоял членом училищного совета Реформатского училища и знал, что я проходил эти предметы. От чего он не дал мне места конторщика у себя в конторе, а держал в кладовой.

Отпуск товаров обыкновенно затихал к часу дня, и я тотчас же удалялся в заднюю кладовую (их было две) и принимался за мое любимое занятие – чтение, где тюки с кусками ситцев служили мне стулом и столом. Читали и другие приказчики, кроме дяди. Но читать нужно было украдкой. Дядя мой не любил, когда читали на деле, и тотчас же заставлял перебирать товар, говоря:

– Рассматривайте товар. Приводите в порядок – записывайте, чего не хватает. Чтением занимать-

Полицейский мост на Невском проспекте. Б. Патерсен. После 1808 г.

ся можно дома. Торговлю кончаем рано. Вечер велик.

При Боненблюсте, разумеется, никто не смел и книги держать в руках. Книги при его приходе в кладовую прятались. Застав кого-либо с книгой, он прямо вырывал ее из рук со словами:

– Кладовая для торгового дома, а не для забавы и развлечения. Перебирайте товар, приво-

дите в порядок. Не может быть, чтобы не нашлось дела. Обновляйте ярлыки с ценами, обметайте пыль.

В кладовой, впрочем, он сидел недолго, приходя в нее часа на полтора, после полудня. Заведывание продажей всецело лежало на моем дяде.

Продолжение следует

